

Отдав распоряжение слугам у входа никого не пускать и не беспокоить, Сяо Хэ сосредоточился и снова вошёл в Мир Горчичного Зерна.

В этот раз он оказался почти в том же месте, что и в прошлый — перед маленьким двориком.

Сяо Хэ первым делом заглянул в дом, проверил, всё ли в порядке, и, не заметив особых перемен, направился в сторону горной гряды.

На ходу он разглядывал землю под ногами сквозь молодую зелёную траву. Почва была чёрной, маслянисто-блестящей, на вид — мелкозернистой и рыхлой, а в воздухе ощущались токи духовной энергии. Это была отличная духовная пашня: стоит лишь слегка возделывать — и можно сажать.

Занятия культивацией — это процесс избавления от шлаков в организме и непрерывного поглощения духовной энергии для закалки тела. Обычное зерно и злаки содержат много примесей, поэтому даже те, кто только встал на путь, стараются есть поменьше или вовсе отказываются от обычной пищи. До достижения этапа Фундамента человек не способен обходиться без еды. Те, у кого есть средства, принимают пилюли воздержания от пищи, чтобы поддерживать жизнедеятельность, а те, кто победнее, вынуждены просто есть меньше.

Но у духовного риса и духовных овощей, выращенных на духовных полях, таких проблем нет. Они впитывают энергию Небес и Земли, и их употребление не только не вносит в тело примеси, но и позволяет усвоить эту самую энергию. Причём усвоение идёт мягче и безопаснее, чем от пилюль, и легче, чем во время обычной медитации. Это вроде современной концепции «пищевой добавки».

Хотя у поглощения через еду есть много плюсов, Небеса справедливы: количество энергии, которое можно получить из духовного риса и овощей, ограничено уровнем развития самого cultivator'a. И всё равно люди слетаются на такую еду, словно мотыльки на огонь.

В «Воротах Синей Чудесницы», вполне приличной школе второго ранга, тоже имелись свои духовные поля. Их строго охраняли как драгоценное достояние школы. Даже такой человек, как Сяо Хэ, каждый год получал лишь столько, чтобы хватило ему одному.

А духовной пашни в его Мире Горчичного Зерна было в десятки раз больше, чем во всей школе. Качество земли делится на высший, средний и низший уровни. Судя по тому, что видел Сяо Хэ, этот огромный участок относился к уровню выше среднего — чуть лучше, чем поля школы.

Если всё это возделывать и засеять, то можно не только прокормить себя с учеником, но и обменять излишки на звонкие духовные камни. От этой мысли Сяо Хэ расплылся в довольной улыбке.

Но, напрыгавшись от радости, он почувствовал усталость. Он шёл уже довольно долго, а горы,

которые, казалось, были совсем рядом, всё не приближались. Внезапно он вспомнил, что в романах, которые он читал раньше, герои могли телепортироваться внутри своего пространства. Интересно, получится ли так у него?

С этой мыслью Сяо Хэ уставился на белый водопад на горе и мысленно скомандовал себе оказаться там. В следующий миг он уже стоял на краю водопада.

Вдохнув воздух, ещё более насыщенный духовной энергией, чем раньше, Сяо Хэ с изумлением обнаружил, что источник у подножия водопада — это тот самый редчайший в мире культивации духовный ключ! Присмотревшись, он понял: это источник среднего качества.

От этой находки он пришёл в ещё больший восторг, чем от духовных полей. Пашня даёт только рис и камни, а духовный источник — это совсем другое дело.

Кузнечное дело и алхимия немыслимы без воды из духовного источника. Редкие лекарственные травы, политые такой водой, вырастают куда качественнее тех, что орошали обычной. А сам источник найти невероятно трудно. К примеру, во всём «Воротах Синей Чудесницы» нет ни одного источника среднего качества — только очень скудный источник низшего уровня. Поэтому на рынке цены на такую воду заоблачные. Даже у Сяо Хэ, лучшего алхимика школы, на складе хранилось лишь пять тыквенных бутылей с источником низшего качества да три коротких нефритовых флакона с источником среднего. А про высший и совершенный уровни Сяо Хэ только вздыхал: интересно, они хоть выглядят-то как? Их можно есть?

Визит в пространство оказался невероятно удачным. Вспомнив, что его драгоценный ученик уже должен был искупаться, Сяо Хэ решил пока выйти. В следующий раз он вернётся с семенами и садовым инвентарём. В конце концов, забота о любимом ученике сейчас на первом месте.

Тот самый Линь Сю, о котором думал Сяо Хэ, сейчас стоял в комнате, которую для него приготовили служанки по приказу учителя.

Глядя, как убогое помещение преобразилось и стало изысканным, Линь Сю испытывал смешанные чувства.

На письменном столе стояла резная статуэтка из нефритовой яшмы. Нефритовая яшма обладает свойством прояснять зрение и успокаивать дух — особенно полезно для детей, только начинающих обучение. Она помогает предотвратить помешательство от заикленности на практике.

На подоконнике горшок с трёхцветными киноварно-красными плодами третьего ранга. Эти плоды очищают воздух и усиливают духовную энергию огня в пространстве — бесценно для cultivator'a с огненным корнем. Хотя киноварно-красные плоды и встречаются часто, до третьего ранга дорастают немногие. Видно, что старались не зря.

В комнате курились благовония из редчайшей фиолетовой священной древесины — для успокоения мыслей.

Линь Сю рассматривал всё это и не мог больше убеждать себя в том, что Сяо Хэ не так уж и добр к нему, как кажется. Может, в этой жизни на самом деле стоит на что-то надеяться? Может, этот человек пришёл, чтобы возместить всё то, чего он был лишён в прошлой жизни?

Этот человек другой. Он не один из семи глав пиков «Ворот Синей Чудесницы». И не тот, кто столкнул его со скалы в прошлой жизни. Сейчас он тот, кто вывел его из толпы злоумышленников, кто крепко держал его за руку, кто подготовил для него прекрасную комнату. Он — «учитель», принадлежащий только ему одному.

Ему никогда много не принадлежало, да он и не жаждал многого. Раз уж этот «Сяо Хэ» теперь его, он намерен держать его крепко-крепко. А если тот попытается сбежать... Линь Сю тихо усмехнулся. Но в этой усмешке было столько жестокости и кровожадности, что невозможно было поверить, будто она исходит от шестилетнего ребёнка.

— Сю, тебе нравится комната? — донёсся ясный голос, и вошёл Сяо Хэ.

— Такая красивая комната... я правда смогу здесь жить? Я так рад! — услышав голос Сяо Хэ, Линь Сю мгновенно сменил выражение лица на обычную детскую радость, поднял голову — и увидел мужчину в фиолетовом одеянии, необычайно благородного и красивого.

— Конечно, это отныне твоя комната, Сю. Если чего-то не хватает, говори мне или вон той сестричке-служанке. Отныне ты будешь жить здесь, вместе с учителем, — видя, как поднятое к нему румяное личико Линь Сю выглядит умилительно, Сяо Хэ улыбнулся и потрепал его по макушке.

В этом мире было много правил, похожих на правила древнего Китая на родине Сяо Хэ. Например: тело, волосы, кожа — всё это дано родителями, стричься без причины нельзя.

Поэтому сейчас волосы маленького Линь Сю были убраны в обычные для детей этого возраста двойные пучки. На ощупь они были чёрными, густыми и необычайно приятными — словно шёлк высшей пробы.

Поддельный Сяо Хэ, он же настоящий извращенец Чжай Нань, мысленно наслаждался: «Кайф, правда? Руку не оторвать, да? QAQ»

А сам Линь Сю, пока его гладили по голове, сначала успокоился от этой ласки, но потом рука Сяо Хэ задержалась на его макушке слишком долго — и он почувствовал себя каким-то зверьком.

Линь Сю: «=-=»

— Учитель, я проголодался... Не будет ли... — чтобы спасти свою макушку от загребущих лап, фальшивый малыш Линь Сю покраснел как рак и принялся кокетничать. Румяные щёчки — ну до чего же мило!

Одержимый ребёнком Сяо Хэ откашлялся и сказал:

— Я как раз за тобой пришёл, чтобы вместе поужинать. Велел на скорую руку приготовить кое-что. Не знаю, понравится ли тебе. Пойдём со мной.

С этими словами он взял Линь Сю за руку и повёл в столовую. В отличие от того раза, когда он вёл мальчика в горы, сейчас Сяо Хэ почувствовал, как маленький Линь Сю сжал его руку в ответ.

«Похоже, Сю потихоньку привыкает полагаться на меня», — на лице Сяо Хэ появилась лёгкая тень радости. «Я обязательно сделаю так, чтобы мой дорогой маленький Сю-Сю называл меня „любимый учитель-учите-е-ель“!» Некий Чжай Нань мысленно сжал кулак, ставя себе такую «грандиозную» цель.

Столовая находилась в юго-восточной части двора. Резные деревянные окна были распахнуты, и сквозь них виднелась фиолетовая бамбуковая роща неподалёку. Под окном находился небольшой пруд диаметром около двух метров. Стояло лето, и на поверхности воды гордо покачивались несколько белых лотосов. Если прислушаться, можно было уловить тихий плеск ручья.

Даже Сяо Хэ, который находил много недостатков в поведении прежнего хозяина этого тела, вынужден был признать: у того действительно был тонкий вкус и умение наслаждаться жизнью.

Служанка поднесла два нефритовых таза с водой для мытья рук, предлагая малышу Линь Сю ополоснуть ладони. Сяо Хэ тоже вымыл руки, после чего уселся за круглый стол из красного сандала и с удовольствием принялся за еду.

Заметив, что стоит на столе, Линь Сю внутренне поразился.

За сто с лишним лет прошлой жизни он, конечно, узнал и большую чашу с изумрудным рисом, и два мясных блюда, и два овощных — всё это были редкостные духовные злаки, травы и мясо духовных зверей.

Блюдо с ярко-красным соусом, кисловато-сладким запахом — это были крылья огненной птицы, приготовленные особым образом. Огненные птицы с ярким оперением, любящие лакомиться киноварно-красными плодами, отличаются нежным, сладковатым мясом. Некоторые состоятельные семьи из мира культивации держат их для своих талантливых отпрысков. А из-за сладкого вкуса их особенно любят девочки.

В прошлой жизни Линь Сю видел такое блюдо только однажды — на дне рождения одной из любимых сестёр Юй Юя. Тогда маленький Линь Сю, помогая матери на кухне в доме Юй, чуть не проглотил слюнки, когда из кастрюли донёлся запах этой самой птицы.

Кто бы мог подумать, что теперь он сам сможет это попробовать, благодаря Сяо Хэ. Линь Сю охватило смятение.

Вторым мясным блюдом были жареные ломтики мяса пятнистого оленя, а на столе стояли ещё глинтвейн из фиолетового священного баклажана и сборный грибной суп из разных духовных грибов.

— Что такое? Не по вкусу? — заметив, что Линь Сю уставился на еду, не притрагиваясь к палочкам, Сяо Хэ беспокоился — вдруг тому не нравится? — и спросил.

— А... Нет, всё очень хорошо, — отозвался Линь Сю. — Я раньше не видел такой еды. Просто вспомнил покойную мать... Даже одно из этих блюд она при жизни не пробовала. Мне... мне просто немного грустно. — Он снова опустил голову, длинные ресницы скрыли глаза, казалось, что вот-вот прольются слёзы.

Сяо Хэ мысленно вздохнул. Жалость к Линь Сю в его сердце усилилась втрое. Если раньше он хотел относиться к нему в десять раз хорошо, то теперь — в двенадцать.

Достав тёмный шёлковый платок, Сяо Хэ вытер покрасневшие глаза Линь Сю.

— Хороший мой Сю, не бери так близко к сердцу. Даже если твоя мать ушла, она хочет, чтобы ты вырос достойным человеком. Быть может, она до сих пор смотрит на тебя откуда-то, откуда мы не видим. Если ты будешь так печалиться, не заставишь ли и её плакать? Учитель обещает тебе: я буду заботиться о тебе. Я дам тебе отличные техники, лучшие духовные камни и пилюли — всему своё время. Если ты добьёшься успеха, твоя мать наверняка будет рада. А сейчас пообещай учителю, что больше не будешь плакать, хорошо? Давай сначала поедим. Сегодня отдохни, а завтра я начну официально учить тебя боевым искусствам.

С этими словами Сяо Хэ взял Линь Сю и посадил к себе на колени. Пятилетний ребёнок, ослабленный недоеданием, весил так мало, что Сяо Хэ почти не чувствовал тяжести. Почувствовав, какой тот худой, одни кости, Сяо Хэ подумал, что нужно откормить своего любимого ученика.

Однако Сяо Хэ и не подозревал, что Линь Сю, сидящий у него на руках, вовсе не так опечален, как кажется.

К своей родной матери Линь Сю не испытывал особой привязанности.

Как ребёнок, он, конечно, жаждал родительской любви. Но Линь Сю родился без отца, а мать

так и не рассказала ему, кто его настоящий отец. По какой-то причине, Линь Сю подозревал, что он лицом похож на отца, и с тех пор, как он себя помнил, мать никогда не смотрела на него по-доброму.

Одинокой женщине с ребёнком на руках было нелегко выжить. Возможно, из-за тягот жизни та небольшая любовь, что у неё была к сыну, иссякла. Плюс, как предполагал Линь Сю, мать ненавидела отца. В детстве его, может, и не били часто, но ещё больше, чем побои, было равнодушие.

В памяти Линь Сю не осталось ни одного случая, когда мать брала его на руки или брала за руку. Не говоря уже о нежных детских поцелуях. Каждый раз, когда она смотрела на него, Линь Сю казалось, что она видит перед собой постороннего, не имеющего к ней никакого отношения человека.

А когда мать, обессиленная застарелой болезнью, лежала в постели, её взгляд на Линь Сю становился таким, словно она смотрела на собственное прошлое грехопадение.

Когда та, когда-то, возможно, красивая женщина, наконец умерла на больничной койке, бледная и измученная болью, Линь Сю вздохнул с облегчением за неё. Смерть избавила её от страданий и болезни. Для неё жизнь была ещё большей пыткой.

До самой смерти мать так и не раскрыла, кто его настоящий отец. Она оставила ему только кулон, сделанный из материала, напоминающего металл, но не металл.

С виду ничего примечательного, но Линь Сю, который в прошлой жизни достиг этапа Зародыша, так и не смог понять, из чего же сделан этот кулон.

В прошлой жизни Линь Сю, когда его унижали в «Воротах Синей Чудесницы», когда Сяо Хэ сломал ему дантянь и сбросил со скалы, когда он превратился в демонического зверя и его преследовали так называемые «праведники», — он не раз представлял, как появится отец на радужных облаках и протянет ему тёплую руку. Но даже на пороге смерти тот легендарный отец так и не появился.

Поэтому к отцу и матери Линь Сю испытывал почти полное безразличие. Но в этой жизни у него есть Сяо Хэ. И если он сможет обменять эти слёзы на ещё большую любовь Сяо Хэ, почему бы и нет?

Сяо Хэ, занятый кормлением, не заметил странного блеска в глазах Линь Сю, который, казалось, просил ещё и ещё. Когда в будущем он узнает истинное лицо этого с виду безобидного волчонка, ему останется только кусать локти и лежать на животе, прикрывая руками одно место. $\geq \nabla \leq$